

АНАТОЛИЙ МУЗИС

ПО НЕХОЖЕНЫМ МЕСТАМ

ИЗ РАССКАЗОВ ГЕОЛОГА

Анатолий Музис

ПО НЕХОЖЕНЫМ МЕСТАМ.

Из рассказов геолога

«Издательские решения»

Музис А.

ПО НЕХОЖЕНЫМ МЕСТАМ. Из рассказов геолога /
А. Музис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745418-0

Вы не знаете, что такое геология. Вы представляете, что геолог, человек с молотком, где ударит, что-нибудь обнаружит. Те времена прошли. Факты, что лежали у дороги, подобраны. Вы уверены, что пройдете за мной повсюду. А я иду и все время думаю: где мы? Что ожидает нас впереди? Проведем здесь лошадей или обойти стороной? Успеем мы до темноты вернуться в лагерь или придется заночевать? А если заночевать, то где? Как? И при этом я ни на минуту не должен забывать то, зачем иду — геологию. В. К.

ISBN 978-5-44-745418-0

© Музис А.
© Издательские решения

Содержание

ПО НЕХОЖЕНЫМ МЕСТАМ	6
Часть I. ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ ВЕКА	6
1	7
2	9
3	12
4	14
5	16
6	21
7	24
8	28
9	30
10	34
11	38
Часть II. ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ	41
1	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

ПО НЕХОЖЕНЫМ МЕСТАМ

Из рассказов геолога

Анатолий Музис

© Анатолий Музис, 2019

ISBN 978-5-4474-5418-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПО НЕХОЖЕНЫМ МЕСТАМ

Часть I. ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ ВЕКА

1

Поезд мчался на восток, грохоча и раскачиваясь. За окном уходили в темноту поля и в вагоне тоже было полутемно, но спать не хотелось. Часы Векшина, поставленные по московскому времени, показывали только десятый час и так получалось, что сон приходил когда уже за окнами начинало светать. Но и не только разница в поясном времени мешала заснуть Векшину. Чем дальше уносил его поезд, тем сильнее росло в нем непонятное волнение. Легли позади Волга, Урал, Обь. Впереди Енисей, Лена, Амур. Позади разрушенная войной Европа, впереди взбудораженный Китай. С юга, в Бирме, Малайе, Индонезии, Вьетнаме, окружают страну партизанские костры. Через Северный полюс заглядывает завистливая Америка. В мире нет мира, а он едет в самую серединку между западом и востоком, между югом и севером, в самое тихое место, которое только можно найти на земном шаре.

Не спят и соседи Векшина. Один из них, Георгий Ашотович, тоже геолог, сидит наклонясь к лампочке с газетой в руках. С высоты второй полки Векшину видны его черные жесткие волосы, круглые плечи, обтянутые выцветшей, когда-то защитного цвета гимнастеркой и брюки в темную полоску, заправленные в простые кирзовые сапоги. Утром в Новосибирске купили свежую газету и он перечитывает напечатанную в ней речь Уоллеса.

Второй спутник – старший бурмастер, «дед», как шутя называют его. Свет из прохода падает ему на голову и она блестит, как бильярдный шар. В зубах у него дымится кривая трубка.

Третьего Векшин не видит, но и так знает, что и он не спит. Это Петр, здоровяк парень и весельчак, проходчик. Он возвращается с курорта и от него так и веет морем и солнцем. Он только что спорил с Георгием Ашотовичем о международном положении.

Вагон покачивается, отбивая на стыках пройденное расстояние. Пятые сутки, вот так, покачиваясь, несет он их на восток. Пятые сутки за окном однообразный железнодорожный пейзаж: чередуются поля, мелькают телеграфные столбы, появляются и исчезают разъезды. Их параллельные пути некоторое время тянутся рядом, а потом с такой стремительностью уходят под колеса, что кажется вагон вот-вот соскочит с рельс. Пятые сутки пути. Тесная полка. Пыль на столике. И мысли уже там, в тайге, в работе... В боковом кармане Векшина хранится газетная вырезка с заметкой о переброске Сибирских рек Оби и Енисея в Аральское и Каспийское моря.

И это ему предстоит первому пройти по местам будущих каналов. Это он призван указать им направление, прочертить их новые русла. Это ему поручено выявить богатства, лежащие по их берегам. Много земель обошел он по стране. Бывал и в Карелии и на Аллайском хребте, за Саянами и на Волге, но такая экспедиция и такое задание у него впервые...

– Нет, вы послушайте, что сами американцы пишут! – снова врывается в его сознание голос соседа.

Георгий Ашотович щелкает пальцем по газетному листу.

– «Атлантический пакт уничтожает шансы на восстановление Европы... Он является не инструментом мира, а военным союзом, рассчитанным на агрессию... Он создает военные базы на границах Советского Союза, что является вызывающим действием...»

– Пустили бы меня поговорить с ними, – слышится голос Петра и Векшин живо представляет его: мускулистого, загорелого, с распахнутым воротом, словно с душой нараспашку. – Я бы на них четырнадцать тонн мошки выпустил.

– Это почему же только четырнадцать? – спрашивает «дед» и трубка прыгает у него в руке от смеха.

– Тринадцать – чертова дюжина, так я сверх нее еще тонну, – невозмутимо отвечает Петр. – Может быть это резковато с моей стороны, ну да с дипломатами пускай Вышинский разговаривает, а я запросто, по таежному...

Векшин поворачивается к стене. Тайга... Каналы... Америка... Мошка... Завтра сходить и неплохо было бы заснуть. Стучат колеса. Даже просто необходимо заснуть, а тут мошка, четырнадцать тонн. Их хватит сожрать всю Америку и еще останется. И ведь что такое мошка? Ничтожество. Сожмешь пальцами, следа не останется, а укусит – опухоль с грецкой орех. А тут четырнадцать тонн! Че-тыр-над-цать. Че-тыр-над-цать... И колеса тоже выговаривают: – Че-тыр-над-цать...

...Разбудил его проводник.

– Скоро ваша станция. Разрешите постель...

В окна врывается яркий солнечный свет. Внизу сидит Георгий Ашотович и аккуратно режет ножом булку. Он уже успел побриться и подбородок его отликает вороненой синью.

– Доброе утро, – говорит он. – Что Вам снилось хорошего?

– Четырнадцать тонн, – отвечает Векшин и смеется. Смеется и Георгий Ашотович.

– Хороший сон.

Векшин спрыгивает с полки, идет умываться и, возвратясь, садится к окну, напротив Георгия Ашотовича.

– Вот мы и подъезжаем, – говорит он.

– Это Вы подъезжаете, – поправляет его Григорий Ашотович. – А мне дальше.

– Все равно, подъезжаем, – повторяет Векшин. – Скорей бы уж...

Машинист на паровозе включает свисток и протяжный и долгий свист несется впереди поезда, словно и он торопится скорее развести всех по своим местам.

2

В конторе перевалочной базы весь день толпился народ. Переговаривались, читали газеты, просто сидели на столах, подоконниках, курили. Не успел еще Векшин оглядеться, как его окликнули:

– Илья!

С подоконника соскочил высокий парень.

– Лёня! Вот здорово!

Они обнимаются, жмут друг другу руки.

– Что это вас сколько собралось? – спрашивает Векшин.

– Еще больше будет, – отвечает Леонтьев. Он уводит Векшина к подоконнику и вкратце излагает ему ту обстановку ожидания, в которую они попали со дня приезда и которую Векшину придется теперь разделять вместе с ними. Он уже заканчивал свой рассказ, как во дворе послышался шум подъезжающей машины и голоса.

– Берегов-Сережин, – определил Леонтьев. – Ба-альшой начальник.

Через секунду дверь распахнулась и в комнату вошел низенький человек. Тяжелые геологические сапоги грохотали по полу, полы пиджака развевались, показывая желтую блестящую кобуру, на голове торчала немислимого синего велюра шляпа, из-под которой сверкали большие, в желтой роговой оправе очки. Ни на кого не глядя, он стремительно прошел к столу, плюхнул на него раздувшийся от бумаг портфель и сразу же начал в нем копаться.

Пожилой мужчина в морском кителе отложил газету и первым подошел к нему. Его лицо, открытое, потемневшее от ветров и солнца, странно контрастировало с густой сединой волос.

– Кто это? – шепотом спросил Векшин.

– Черныш. Начальник механической мастерской, – так же тихо ответил Леонтьев.

Они слезли с подоконника и вместе со всеми обступили стол.

Берегов-Сережин все так же, ни на кого не глядя, продолжал вынимать бумаги.

Вдруг он заговорил:

– Ну, что? Знаю, знаю. Я тоже жду самолет. Вы его просто ждете, а у меня...

– Но, послушайте, – сказала пожилая женщина. – За-чем же вы нас вызывали? Ведь я от отпуска отказалась, приехала.

– Лучше б вы ждали самолет, чем он вас, – сказал Берегов-Сережин.

– Ну, знаете, это просто возмутительно!

Пожилая женщина покраснела от гнева и пошла из конторы.

– Пойдем и мы, – сказал Леонтьев. – Каждый день одно и то же.

Люди выходили группами, обсуждая создавшееся положение. Молодая женщина в форменном кителе со звездочками инженер-геолога 2-го ранга уговаривала ту, которая спорила с Сережиным:

– Да, Вы, Любовь Андреевна, не расстраивайтесь. Хотели идти в отпуск, ну и отдохайте себе на здоровье.

– Я не о времени, – отвечала Любовь Андреевна. – Просто возмутительно.

Вышли из конторы Берегов-Сережин и Черныш. Сережин был красен от возбуждения, растрепан. Векшин услышал, как он крикнул:

– Я здесь начальник!

– Гнилая философия, – сказал Черныш. – Не наша. Люди не хуже тебя. Вызвал – изволь заботиться.

Берегов-Сережин, не отвечая, сел в машину. Немислимая шляпа торчала над ним таким же колом, из-под пиджака оттопыривался «наган».

– Давай! – крикнул он.

«Газик» рванул и, обдав стоящих пылью, унес его нелепую фигуру.

– Пистолет в шляпе.

– Ну его. Пойдем, город посмотрим.

– Я пойду в фонды, – сказала Любовь Андреевна. – Успею еще поработать часа два.

Они пошли со двора, сначала все вместе, потом кто направо, кто налево и вскоре в группе, где шел Векшин, осталось несколько человек.

Была та предвечерняя пора теплого и солнечного майского времени, когда день уже кончался, а вечер все еще не наступал. Проспект имени Сталина сверкал широким асфальтом. Шумный и людный, он напоминал московскую улицу Горького. Так же витрины магазинов выставляли напоказ свои товары, пестрели афиши кино, стоял телеграф, кратким словом «Енисей» объявлял о себе ресторан.

Векшин шел с Леонтьевым. Впереди двигались Черныш и два механика, Павлик и Сережа. Черныш ступал твердо и встречный поток людей обтекал его, как обтекает вода устой моста. Блестя орденами шли военные, пестрели яркие платья девушек, в синих, серых, коричневых костюмах, с портфелями, свертками, просто безо всего, задевая друг друга, оставив ваясь у афиш, исчезая в дверях магазинов, торопливо избегая по ступеням телеграфа, двигались различные люди. Этот живой поток, не уместаясь на тротуарах, заплескивал с обеих сторон мостовую и автомобили тревожно гудели, расчищая себе дорогу.

Векшин и Леонтьев шли молча, разглядывая людей и здания, и только у городского сада, там, где через площадь возвышались новые пятиэтажные корпуса, Леонтьев сказал:

– Строится город. Который раз приезжаю и все он по иному выглядит.

Векшин ответил не сразу. После напряженных и поспешных сборов в Москве, после стремительного бега поезда, после горячих споров соседей, в которых и сам он принимал участие, ему не терпелось поскорее углубиться в тайгу, окунуться в работу, вызвать к жизни еще скрытые природой силы. Он уже видел будущее этого края и не хотел откладывать это будущее ни на один день. И думая о своем, он машинально ответил Леонтьеву:

– Медленно все очень.

– Ну, не так уж медленно... – возразил Леонтьев.

– Не так... – согласился Векшин, – но если бы не война, да такие как Берегов-Сережин, где бы мы сейчас были.

– Сережин это мусор.

– Мусор, а мешает. Ведь посмотри, нас здесь человек двадцать сидит. А время уходит. Время, о котором будут писать, как некогда Александр Сергеевич писал:

«Была... пора,
Когда Россия молодая
В боренье силы напрягая
Мужала...»

– Ты у нас известный лирик, – сказал Леонтьев.

Векшин сбоку взглянул на него.

– Велик ты, Леня, а не разговорчив. Ты посмотри вокруг. Весна, солнце, девушки. Неужели тебе никогда не хочется вот так душу свою высказать, рассказ какой-нибудь написать. О жизни. Такой рассказ, чтобы самые что ни есть молчуны, вроде тебя, прочли его и сказали: – «Да-а...»

– Чтобы о жизни писать, понимать ее как следует надо.

– А мы что же? Еще как понимаем. Но знаешь, между прочим, где я начал по-настоящему жизнь понимать? На фронте. До этого я как-то не сознавал всей глубины. Думал и так можно жить и этак, все мол от индивидуальности зависит. А там сразу понял – вот мы и вот они.

Вот наша жизнь и вот их, чужая. И нет между этими жизнями ничего общего. И середины между ними нет. И сейчас ведь то же самое, пусть холодная, а все-таки война... Ты как думаешь, есть у нас атомная бомба?

– Мы люди маленькие, нам не сообщают.

– Ну, да. Молотов же сказал: «Будет у нас атомная энергия и кое-что другое». Говорят, при этом какой-то английский лорд воскликнул: «Если Молотов говорит, что у них будет атомная энергия, то, господа, она у них уже есть!»

Леонтьев улыбнулся.

– Что ж, возможно и среди лордов не перевелись еще неглупые люди.

Они уже сошли с центральной улицы и шли переулками, ближе к реке, когда впереди их на дорогу вышли трое парней и девушка. Они были одеты в яркие шаровары, подпоясаны цветными кушаками, за плечами у них были рюкзаки.

– Погляди-ка, – сказал Векшин. – Кто это?

– Столбисты. Местная разновидность альпинизма, – Леонтьев заметно оживился. – Знаешь, давай-ка и мы махнем туда. Этот самолет, наверно, еще неделю не прилетит.

Они догнали Черныша, Павлика и Сережу и предложили им прогуляться вместе на «Столбы». Было решено, что завтра на рассвете они отправятся в поход.

3

Векшин встал в четыре часа утра и умывался, когда во двор общежития въехала грузовая машина и почти следом за ней примчался «газик» с Серезиным. Грохоча сапогами, он промчался по коридору и Векшин услышал его крик в мужском общежитии:

– Черт знает что! Самолет уже три часа дожидается, а они спят.

– Какой самолет? Кого дожидается?

– Вас! Вас! Я же вчера распорядился...

Оказалось, что вчера, после того, как все разошлись, с аэродрома сообщили о прилете самолета, но, так как Серезина на месте не оказалось, известие это попало к нему с опозданием и распоряжение о погрузке было отдано только ночью. Комендант, видимо, уже привычный к бестолковой суетне и ненужной горячке Серезина, решил, что «и утречком тоже будет не поздно» и в результате отправку самолета чуть не проспали.

– Хорошо еще, что мы не уехали, – шепнул Векшин Леон-тьеву.

Через пол часа грузовик, разгоняя утреннюю прохладу, катил их к аэродрому. Векшин опасался, что самолет улетит без них, но комендант оказался прав: если они и не приехали рано, то, во всяком случае, и не опоздали. Еще затаскивали какие-то ящики, кого-то ждали... Наконец, в пять часов тридцать минут утра, «ЛИ-2» оторвался от взлетной дорожки. Взошедшее солнце почти прямыми лучами било по правому борту и все столпились у левых иллюминаторов. Борт-механик даже вынужден был выйти из пилотской кабины и попросить разместиться ровнее.

ЛИ-2

Самолет набирал высоту и уже через несколько минут от крупного города не осталось и следа. Потянулась тайга. Деревья стояли густо, но еще хорошо различались и остроконечные ели и широкие лиственницы и могучий кедрач, а еще минут через пятнадцать деревья слились в сплошной зеленый покров, сквозь который все отчетливей стал проступать рельеф местности. Речки и низины очерчивались белой пеленой тумана, в шапке сплошных лесов выпирали горы.

– Бугорки довольно-таки приличные, – заметил Леонтьев.

– И вдруг вынужденная посадка, – сказала его соседка, та что успокаивала Любовь Андреевну. – И будем мы здесь сидеть.

– Пустыки, – улыбнулся Векшин. – Через какой-нибудь десяток лет проложат канал и мы снова будем в центре жизни...

...зеленое море тайги

Земля удалилась, стала одноцветной и неинтересной и они, давно перестав следить за ней, шутили и говорили на серьезные темы, когда самолет наклонился на крыло и стал описывать круги.

– Город! – закричал молоденький паренек, коллектор Надежды Николаевны.

Все снова припали к иллюминаторам. Под самолетом голубела широкая река. Над ней, окруженный зеленым массивом тайги, стоял город. В кудрявых завитушках садов, с чистенькими беленькими домиками, деревянными тротуарами, сверкающий золоченными шпилями церковей, он казался сверху таким милым и уютным, что даже те, кому было плохо, и то подняли голову посмотреть. А внизу уже проносились окраинные строения, огороды, мелькнула дорога и сразу за ней ряд самолетиков на поле, выложенная буква «Т» и ангары.

Они прилетели.

4

Первое впечатление о Чернорильске, что это устоявшийся старинный городок. Как и другие населенные пункты этой полосы, он построился у реки. Крутой обрывистый берег возвышался в два яруса. У воды теснились причалы, громоздились крытые брезентом грузы, сновали люди, гудели автомашины. С реки им отвечали протяжные свистки катеров.

Наверху, вдоль берега, выстроились двух и трехэтажные каменные дома. Это главная улица. Она тянется по берегу через весь город, начинаясь от густого зеленого церковного сада и кончаясь фабричным поселком лесопильного завода. На других улицах дома преимущественно деревянные, но поставлены они добротно, навечно. В прошлом Чернорильск был губернским центром. Через него шли золото, пушнина, лес. Сейчас центр передвинулся на юг к железной дороге, но старинная доброта осталась и чувствуется во всем. Черныш говорит, что и сейчас немало золотишка позарыто в этом городе и что если город срыть и вскопать землю метра на два, то найденного хватит, чтобы построить новый город, больше и лучше этого.

Экспедиция занимала постройки бывшей пушной базы. Большой прямоугольный двор обнесен высоким забором, по углам контора, радиостанция, мастерская. Двор пустынный, поросший молодой травой. В глубине двора баня, колодец, складские помещения. От ворот к складам тянулись две, выбитые шинами и колесами, колеи, от которых в стороны змейками разбегались тропинки.

Векшин пришел к началу рабочего дня, но у начальника Экспедиции уже сидела Любовь Андреевна Голубева, а после нее ждал приема Леонтьев. Им предстояло доукомплектовать партии, получить разрядки на лошадей, уточнить маршруты, договориться о транспортировке к месту работ. Дело было не скорое и Векшин решил пойти к главному геологу.

Луговой жил недалеко от базы. Спокойными улицами с деревянными тротуарами, по адресу, данному секретаршей, Векшин без труда отыскал его беленький домик. Он стоял отдельным флигелем во дворе и был окружен сплошным забором ягодных кустов и декоративных насаждений.

Векшин постучал.

– Заходите, – услышал он знакомый голос.

Векшин был с Луговым в двух экспедициях и за все время знакомства ни разу не видел его бездеятельным. Если Луговой не в маршруте, он или читает, или пишет, или консультирует, или сидит за микроскопом. Его мысль работает безостановочно, как перпетуум-мобиле. На этот раз он также что-то писал. Стол, три табуретки, раскладная парусиновая койка, застланная серым солдатским одеялом, два зеленых выючных ящика, спальный мешок в чехле, книги... Книги на столе, на табуретках, на выючных ящиках, просто на полу. Книги, книги, книги...

– Одну минуту, я сейчас закончу. Присаживайтесь пока...

Луговой дописал страницу и повернулся к нему.

– Ну, как добрались? Не было с Вами, как тут говорят, «душа наизнанку».

– Нет, этого не было, а вот от Берегова-Сережина чуть не замутило.

– Значит, не понравился?

– А что в нем может понравиться? Пистолет, шляпа, много треску и мало толку. С ним даже комендант общежития не счи-тается.

– Нет, он работник неплохой, – заступился за Сережина Луговой. – Его только одного оставлять нельзя.

– Оставили же, однако?

– Людей не хватает. Сами знаете, что такое экспедиция, особенно в этих краях. Но теперь потихонечку прибывает народ. С Вами, вот, парторг прилетел, уже легче.

- Кто же это?
- Черныш.
- Черныш?!
- Да, а что?..
- Нет, я так...

Векшин улыбнулся, вспомнив крик Сережина и спокойный голос Черныша: «Гнилая философия. Не наша». Да, Векшину тогда определенно понравилось, как этот человек понимает философию.

– Ну-с, так что же мы с вами будем делать? – возвратил его к действительности голос главного геолога. – В последнюю нашу встречу было решено, что вы организуете здесь небольшой отряд и проделаете ряд поисковых маршрутов. Так?

– Так, – подтвердил Векшин.

– К сожалению, придется менять наши наметки. Вот посмотрите, – Луговой сдвинул в стороны книги и разложил карту. – Черновая тайга, болота, населенных пунктов почти нет, в особенности вдаль от рек. Мы тут посоветались и решили поисковые работы возложить на более обеспеченные съемочные партии. С этой целью в каждую партию включается промывальщик.

Вам же придется делать контрольные маршруты с партиями, обобщать результаты поисковиков и проводить через лабораторию необходимые исследования...

Векшин смотрел ему в лицо. Тяжелый подбородок, маленький с резко очерченными ноздрями нос, густые черные, но с сильной проседью волосы и такие же густые черные брови над голубыми сосредоточенными глазами. И вдруг он увидел, как эти глаза улыбнулись.

- Задача, конечно, усложняется, но исполнить ее надо, как и при нормальных условиях.
- Ясно, – сказал Векшин.

– Вот и отлично! Начнете с партии Голубевой. Она женщина уже в годах, да и партия у нее наполовину женская. Как Вы полагаете?

– Можно и с Голубевой. Вы, Михаил Борисович, всегда так расскажете, что и на Северный полюс босиком побежишь.

Луговой засмеялся.

– Я знал, что Вы не будете возражать и сегодня утром сказал Любове Андреевне, что Вы придете. Так что она Вас уже ждет.

5

Любовь Андреевна Голубева никогда не повышала голоса, но организация выезда двигалась у нее успешнее остальных. А дел было немало. По ее поручению Векшин писал заявки, осматривал лодки, отбирал рабочих и промывальщиков... Все это было достаточно сложно. Если лодки можно было осмотреть за день, то на составление заявок и согласование их – три, а промывальщиков ему дали только перед самым отъездом. Они ждали его у конторы. Один был низенький, с кавалерийскими кривыми ногами, в резиновых сапогах, телогрейке и картузе, из-под которого поблескивали хитрые глаза и торчали широкие усы. Второй был худ, обрит наголо. Одет в пиджак и брюки, заправленные в сапоги. Обращали на себя внимание его руки – большие, тяжелые, натруженные. Третий, молодой парень с коротко остриженными волосами, сидел на ступеньке в рваной телогрейке и без ботинок.

– Промывальщики? – спросил Векшин.

– Промывальщики, – в один голос ответили высокий и низенький в картузе.

– Как зовут?

– Никитин, Алексей Степаныч, – сказал высокий.

– Худолеев, Иван Матвеич, – это низенький.

Парень на крыльце молчит, будто его это не касается.

– А тебя как зовут?

– Мишка.

– А фамилия? – Столетов.

– Ты где же это ботинки потерял?

– Переpravлялся через приток, да утопил.

Он сидит встопорщенный, неумытый.

– По тебе не скажешь, что ты у воды бываешь.

Он молчит.

– С лотком работал?

– Немного знаю.

– Ну, посмотрим...

Векшин написал ему записку.

– Вот, получишь ботинки в счет зарплаты, белье, телогрейку и сейчас же в баню. Чтобы «табуны» здесь не водить. Повеселевший Столетов попросил еще три рубля на обед, а когда ушел, Худолеев сказал:

– Вы с ним поостроже. Он из заключения недавно.

То, что Столетов отбыл год за безбилетный проезд в товарном вагоне, Векшин уже знал, как и то, что Никитин прислан с прииска по просьбе Черныша, но он знал также и то, что в сезонной работе очень трудно найти хороших промывальщиков. Кадровые рабочие, как правило, все на приисках и промывальщиков обычно приходится набирать из остатков бывшей приискательской вольницы. Народ это ненадежный, работать с ними надо иметь навык.

Он сделал вид, что не обратил внимания на предостережение Худолеева, а сам подумал:

– Посмотрим еще, что ты за птица.

День выезда был ясный, но встречный ветер гнал волны против течения и они, захлестывая через палубу, заливали в трюм катера. Трюм был грузовой, не приспособленный для пассажиров. Верхняя часть его возвышалась над палубой и была обтянута по металлическому каркасу брезентом. Дверца тоже была брезентовая, на застежках и почти не спасала от воды и холода.

Геологи на груди вещей жались друг к другу. Одна только Любовь Андреевна, примостившись на ящике около выхода, пыталась в щель просматривать берега. Волосы выбились

у нее из-под платка, лицо и руки мокрые, по брезентовой куртке струится вода. Векшин смотрит на нее и вспоминает первую встречу. Тогда она была причесана, в форменном кителе... Впрочем, все тогда выглядели иначе. Надежда Николаевна тоже носила форму, а теперь сидит завернувшись в одеяло. Володя Доброхотов покрылся шинелью. Только Валька Жаворонков сидит в своей неизменной куртке и альпинистских ботинках, показывая, что ему нипочем ни холод, ни вода.

Очередная волна перекачивается через тент и хлещет через щели дверцы. Голубева стряхивает воду с колен и торопливо что-то записывает. По палубе грохочут чьи-то сапоги. Старшина кричит:

– Принимай конец...

Шум мотора затихает, слышно, как за бортом плещется вода. Катер мягко толкается в грунт. Застежки намокли и никак не хотят расстегиваться. Наконец, дверца откидывается и вслед за Голубевой Векшин вылезает наверх.

БМК

Реку не узнать. Они выезжали, она была спокойная, синяя, ласковая, а сейчас ветер гонит по ней крупные серые волны и река становится похожей на пасмурное море. Над головой проносятся низкие хмурые облака. За катером подтягивается к берегу плоскодонная илимка. На ее палубе блестя мокрой шерстью понуро стоят лошади, груда грузов, покрытая черным от воды брезентом, маленькая, с плоской крышей будка, на которой широко расставив ноги стоит рулевой. Грудь его подставлена ветру, а у ног из железной трубы вьется дымок. Из будки, как ватажники из норы, вылезают промывальщики, радист и конюх. Сгибаясь под ветром они начинают переносить на берег имущество партии. Векшин, Жаворонков и Доброхотов спускаются с катера и присоединяются к ним. Никитин куда-то уходит и вскоре возвращается в сопровождении высокого сухого старика. Это его знакомый, зовут его Василий Тимофеевич, он охотник. С илимки сводят лошадей, выючат их и Василий Тимофеевич ведет всех к себе.

Место высадки партии – Балашиха, – маленькая, на несколько домиков деревушка. Тайга окружает ее так густо, что местами вторгается на огороды. Население летом ловит рыбу, зимой занимается охотничьим промыслом, так что пристройки к домам незначительные – коровник, амбарчик, да легкий навес для несложного рыбачьего инвентаря, – вот и все. Под таким-то навесом складывается все имущество и снова покрывается брезентом. Лошадей привязывают за изгородью, так, чтобы они могли пастись и в то же время никуда не ушли.

УХА

Василий Тимофеевич приглашает всех в избу, кормит ухой, а потом распределяет на ночлег. Мест для ночлега три: изба, в ней соглашается остаться только Любовь Андреевна; амбарчик, туда уходят спать Никитин, Худолеев, Столетов, конюх Алеша и радист Костя. Векшин, Надежда Николаевна, Володя и Валя Жаворонков забираются на чердак. И словно едва дождавшись, когда все распределяется, на землю обрушивается ливень. Небо, затянутое сплошной облачностью, озаряется, как огромный молочно-матовый купол. Грохочет гром и в слуховом окошке чердака видно, как белые вспышки перемежаются с чернотой ненастной ночи.

Векшин лежал и слушал, как дождь низвергался на крышу. Было что-то притягивающее в шелесте дождя. Какие ветры пригнали сюда эти тучи? Воды каких океанов напоили их? Какая сила заставила обрушиться на землю? Тысячелетия прошли со дня, когда первый человек укрывшись под деревом или в пещере, прислушивался к такому же громоханию. Многие с тех пор изменилось, многое объяснено, но, как и тысячелетия назад, человек лежит и с благоговейным трепетом прислушивается к разбушевавшейся стихии.

Он только подумал, что не завидует тому, кого гроза застала в лесу, как Надежда Николаевна запела:

– Ревела буря, дождь шумел,.. Во мраке молнии блистали...

У нее был приятный и чистый голос и неплохой слух и Векшин вместе с песней невольно перенесся на когда-то пустынный и суровый берег Иртыша, к которому пришел и сидел «объятый думой» первый русский человек, первооткрыватель этого чудесного края.

– Кучум, презренный тать Сибири... – выводила Надежда,
– Прокрался тайною тропюю...

Смутные чувства будит ее голос. Погиб Ермак. Много лет спустя его судьбу повторил Чапаев. Вот и сейчас, не прокрался бы кто-нибудь тайной тропой, пока они лежат здесь почти оторванные от внешнего мира. Правда, есть люди,

которые следят за врагом и не спит их дружина, но и он, Векшин, тоже ведь солдат своей армии, а солдат, как говорится, и во сне служит. И вдруг появляются слова:

– Если скажет рать святая: – Кинь ты Русь, живи в раю,
Я скажу – не надо рая... Дайте Родину мою...

Векшин ловит себя на том, что читает стихи вслух. Он замолкает.

– Чьи это?

– Есенина.

– Я и не знала, что у него есть такие стихи, – говорит Надежда Николаевна.

– А «На смерть поэта» Вы знаете? – спрашивает Володя.
Векшин читает стихотворение Маяковского и когда он заканчивает словами:

– Для веселия планета наша мало оборудована.
Надо вырвать радость у грядущих дней.
В этой жизни умереть не трудно.
Сделать жизнь – значительно трудней.

– Наступает такая тишина, что слышно звонкое падение капель с крыши в бочонок. Гроза прошла, дождь прекратился.

– Почитайте еще что-нибудь, – просит Надежда Николаевна.

– Что? – Константина Симонова, – сразу в два голоса просят Надежда Николаевна и Валя Жаворонков. Польщенный вниманием Векшин читает:

– Когда ты по свистку, по знаку,
Встав на растоптанном снегу,
Был должен броситься в атаку,
Винтовку вскинув на бегу,
Какой родимой показалась тебе холодная земля...

Векшин уже читает и видит: это не поэт лежит изголовьясь к атаке, а он сам в холодном подмосковном снегу на краю Волоколамского шоссе в памятные дни декабрьского наступления. Это над ним в черном застывшем от стужи небе взлетают и светят ледяным светом ракеты, это его ищут красные пунктирики трассирующих пуль. А он лежит и ждет. И ему томительно хочется чтобы еще долго долго не было этого знака. Пусть в снегу леденеют руки, пусть они сутки не жавши, пусть все что угодно...

– Да, эти мысли, ты им верил
Секунду с четвертью, пока
Ты сам длину им не отмерил
Длиною ротного свистка.
Когда осекся звук короткий,
Ты в тот неуловимый миг
Уже тяжелою походкой
Бежал по снегу напрямик.
Остались только посвист ветра
И грузный шаг по целине
И те последних тридцать метров
Где жизнь со смертью наравне.
Но до немецкого окопа
Тебя довел и в этот раз
Твой штык, которого Европа
Не сможет перенять у нас.

Он кончает. В густой темноте товарищи лежат затаив дыхание. Они не просят его почтить что-нибудь еще, да если бы и просили вряд ли он смог бы. Он как будто сам сейчас совершил этот бросок во вражеские окопы и еще не может отдышаться. Тихо. Не шорохнется солома. И только Валька Жаворонков, юный, не выдавший никаких фронтов Валька, тихо произносит тоном мальчишеского сожаления:

– Да-а...

6

ГАТЬ

В маршрут вышли во второй половине дня. Лес все еще стоял мокрый и ветви стряхивали целые каскады брызг. Сразу же за деревней, километра на полтора тянулась гать. Сапоги скользили по мокрым бревнышкам, между которыми хлюпала вода. Иногда бревнышки тонули и вскоре все уже шли с мокрыми ногами. Потом опять вступили в тайгу.

Впереди шли Володя и Любовь Андреевна. Володя шел с ружьем и больше занимался охотой. Любовь Андреевна вела отряд. Несмотря на свой возраст, ей было около пятидесяти, она шла по молодому легко, не выказывая ни малейших признаков утомления. За ней следовал Валя Жаворонков. Со свойственным своему возрасту романтизмом он считает себя центральной фигурой, пытается говорить «солидно», но срывается с принятого тона, суетится, хочет одновременно всем услужить и из-за этого зачастую забывает свои основные обязанности. Особенно заметно его усердие по отношению к Надежде Николаевне. Он поминутно оглядывается на нее и несмотря на то, что сам перегружен «через верх», уже два раза предлагал взять ее рюкзак. Надежда Николаевна благожелательно улыбается, но рюкзак не отдает. Векшин долгое время идет за ней, наблюдая ее легкий пружинистый шаг. Она спортсменка, альпинистка и вообще, отвлекаясь от мыслей по геологии, он вдруг признает, что она женщина интересная.

Замыкает шествие Столетов. Он жалеет, что его не оставили в Балашихе с Никитиным и Худолеевым и идет поэтому вяло, вразвалку, заглядываясь по сторонам. Векшин вообще не любит, когда нарушают темп его движения или отвлекают от наблюдений. Это выбивает из равновесия, утомляет, мешает работе. Поэтому выйдя из Балашихи замыкающим, в нем сильна хозяйская привычка еще раз окинуть все последним взглядом, Он обгоняет Столетова и Надежду Николаевну, затем и Валентина и выходит на третье место за Володей и Любовью Андреевной.

Бурелом

По карте на первые восемь километров показана тропа, но Голубева, стремясь поскорее выйти к речке, вела отряд по компасу. Лес был негустой, почва ровная и они продвигались довольно быстро. На четвертом километре встретили незначительное обнажение, осмотрели его и пошли дальше, как вдруг дорогу отряду преградил завал. Дерево на дереве, вдоль, поперек, под углом. Листва, хвоя, сучья – все перемешалось. Завал попробовали обойти, но он тянулся непрерывной полосой. Падающее дерево сбивало второе, второе – третье и так до тех пор, пока или болото или скала не прерывали этого стихийного вала. Он мог тянуться десятки километров и убедившись, что поблизости обходов нет, Голубева приняла решение преодолевать завал. Векшин и Доброхотов полезли первыми. Бурелом был свежий, видимо результат прошедшей ночью грозы и лезть на двух-трехметровой высоте, по неровным деревьям, по мокрой скользкой коре, нагруженные котомками, ружьями, лопатами, лотками и т.п., было делом и нелегким и рискованным. Векшин поминутно оборачивался и оглядывал растянувшуюся за ним вереницу людей. Больше всего его беспокоило, как переберется Любовь Андреевна. Но она передвигалась не хуже других и он понемногу успокоился. Через три часа они вновь вступили на твердую землю. И только тогда в полной мере сказалось напряжение этого перехода. Ноги дрожали, идти дальше не было сил. Голубева объявила привал. Столетов соорудил дымокур, а Володя ушел с ружьем и вскоре в лесу послышались выстрелы.

Между тем наступала темнота. Идти дальше не было смысла. Любовь Андреевна отыскала неподалеку сухое место, Столетов перенес туда костер. Плохо с водой. Из-за бурелома не дошли до реки и теперь воду приходится изыскивать иными способами. Векшин берет ведро, Столетов лопату и они углубляются в лес.

Костер в тайге

Там они находят болотную лужицу, копают ямку и когда в нее набегаёт достаточно воды, кружкой начерпывают ее в ведро. А ночь уже опустилась окончательно. За ближайшими деревьями ничего не видно, только костер вдали, как рубиновое пятно. Набрав воды, они возвращаются к лагерю. В лесу тепло, сыро и тихо. В вышине ярко мерцают звезды. Векшин любит такие ночи. Здорово вот так сидеть у огня, ужинать копылухой с гречневой кашей, а сапоги и куртка сушатся. Обхватив колени руками и глядя в огонь, Векшин сидел и думал о том, что это первый вечер уже по настоящему в полевой обстановке. Как-то в этот вечер у него дома? Как Ирина? Как Витенок? Через полгода он вернется, а Витенок чего доброго и не узнает своего папку. В июле ему исполнится два года. Опять будут справлять день его рождения без отца.

Надежда Николаевна трогает его за рукав.

– Какой вы рассеянный, – улыбаясь, говорит она. – Я уже два раза обращаюсь к вам.

– Задумался, – отвечает Векшин, все еще улыбаясь своим мыслям.

Надежда Николаевна понимает эту улыбку по своему. – Почитайте что-нибудь, – просит она. – Вы так хорошо читали там, на чердаке.

– Что же Вам прочитать?

– Что хотите.

Мысли Векшина о доме и он по настроению читает:

– Я уезжал. Ты, помню, мне сказала:

«Останься на день».

Я не мог. В тот миг,

Я знал, ты ненавидела вокзалы

Как самых кровных недругов своих.

А я... я гнал намеченные сроки.

Рассчитывал движенье поездов.

За край родной, желанный и далекий,

Я все на свете был отдать готов.

Перед глазами сторона иная.

Но где б я ни был, в стороне любой

Я с каждым разом ярче постигаю

Как накрепко мы связаны с тобой.

– Чьи это стихи? – после минутной паузы спрашивает Надежда Николаевна.

– Мои.

– Ваши?!

– Ну, да, а что?

– Нет, я ничего. Очень хорошие стихи, – говорит Надежда Николаевна с улыбкой. – Это кому же, вашей любимой?

– Жене.

Надежда Николаевна становится серьезной. – Вы женаты?

– И даже имею сына.

– А давно Вы женаты?

– Шесть лет.

– А что делает Ваша жена?

– Ну, Надежда Николаевна, Вы с меня целую анкету снимаете.

Надежда Николаевна замолчала, но видимо считая, что нужно доводить до конца раз начатый разговор, опять обратилась к нему:

– Можно еще один вопрос?

– Ну, если только один...

– Скажите, Вы... ни разу не изменяли ей?

Удивление Векшина было столь разительно, что она сразу поспешила с объяснением:

– Ведь Вы так подолгу не бываете дома...

– Видите ли, Надежда Николаевна, – стараясь быть по возможности более точным, сказал он, – у человека, кроме его физических потребностей существует и интеллектуальная сознательная жизнь, которая включает в себя и такое понятие как верность. Верность семье, слову, самому себе. Вдумайтесь в Ваши слова. Следуя их логике, уезжая куда-нибудь за океан, мы можем изменить своим взглядам, своим принципам, стать изменником в государственном понимании этого слова.

– Что Вы! Я не хотела этого сказать.

– Пьянство, Надежда Николаевна, начинается с кваса.

на не ответила, о чем-то глубоко задумавшись и наступило молчание, которое очень кстати прервал Столетов, возвестивший, что «можно снестать».

7

Утром по компасу и аэрофотоснимку Голубева вывела отряд к Чернушке – мелководной речонке, настолько мелководной, что виден весь галечник на дне. Но вода в ней темная, от этого, видимо, и происходит ее название. Первые же шлихи дают большое количество черного тяжелого песка. Просушенный, он притягивается магнитом. Векшин настораживается.

Правда, он знает, что земная кора повсеместно содержит в себе железо и черный шлик это еще не промышленное месторождение, но ведь недаром же Луговой говорил ему, что здесь должно быть железо. А вдруг оно и в самом деле имеет здесь выходы на поверхность?

Уточнение маршрутов

Чернушка настолько в зарослях, что идти поймой нет никакой возможности. Голубева вновь отрывается от реки и ведет отряд коренным берегом. Время от времени все же приходится опять спускаться к ней, Векшину и Столетову взять шлихи, Надежде Николаевне составить описание берегов, Любови Андреевне для определения выходящих пород. Все это очень задерживает и до первого настоящего обнажения добираются только часам к четырем. На этом участке вместо заболоченной поймы – обрыв. Он так же густо покрыт растительностью и Чернушка почти не проглядывается, но Голубева, разглядывая аэроснимок, говорит:

– Здесь.

Володя, хватаясь за ветки и землю, лезет вниз и вскоре из-под обрыва раздается его голос, подтверждающий, что обнажение именно здесь.

– Только осторожней, – кричит он. – Здесь метров восемь и круто. Раздвигая кустарники Векшин полез на его голос. Он нащупал ногой точку опоры, перехватил правой рукой и опять ухватился за ветку, но на середине пути почва у него под ногами поехала, он соскользнул, на мгновение повис на ветке, а затем, разжав руки, оттолкнулся ногами о землю и упал на колени. Он тотчас вскочил. Володя стоял рядом. Перед ними возвышалась открытая скалистая стена с нависшим над ней земляным карнизом. Первая мысль у Векшина была, что это такие же диабазы, которые встречались по реке, но вслед за ним уже кто-то спускался и он крикнул:

– Осторожней!

Это была Любовь Андреевна. От камня к камню, от ветки к ветке, с цепкостью опытного ползуна она спускалась вниз и благополучно очутилась на том месте, где уже стояли он и Володя.

На обнажении

– Смотрите-ка, – удивился на нее Векшин. – Я и не ожидал, что Вы можете так. Даже лучше, чем я.

– Да, – засмеялся Володя, – у тебя был головокружительный спуск.

За Голубевой спустилась Надежда Николаевна, за ней Валентин. Он никак не мог решиться выпустить из рук спасательную ветку и последние два метра съехал, что называется, «на мягком месте». Неожиданно со стороны вышел Столетов.

– Где же это ты спустился? – удивился Векшин.

– А там вот, – Столетов неопределенно махнул рукой.

– Что же там, лучше?

– Малость лучше.

– А что же не сказал?

– Так Вы же не спрашивали.

Векшин разозлился.

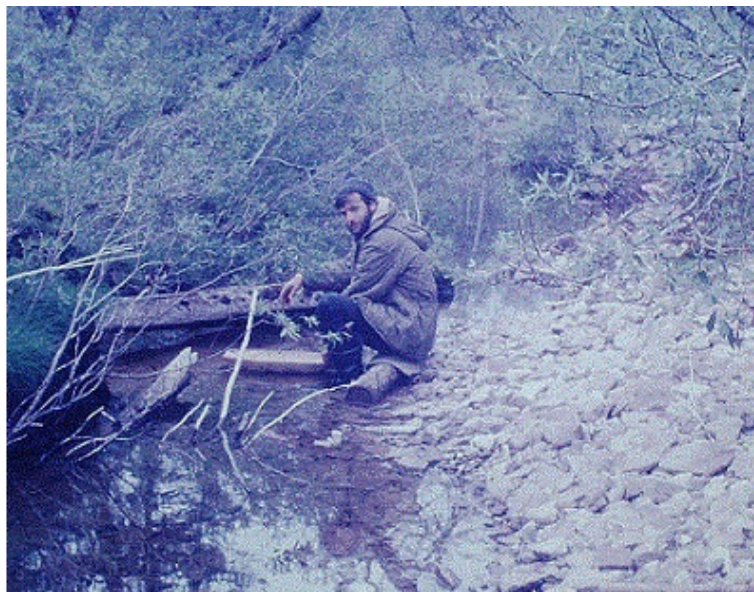
– Ну, знаешь, если ты будешь себя так вести, мы быстро распрощаемся. Тоже ловкач. Нашел хороший спуск, а до других ему дела нет.

– Ну, что Вы, Илья Семенович, – заступилась за него Любовь Андреевна. – Он спустился, когда мы были уже внизу.

– Знаю я, когда он спустился, – проворчал Векшин, но спорить не стал.

Он только сказал, чтобы Столетов взял шлих, а сам, взяв второй лоток и лопату, поднялся по ручью метров двести и взял еще шлих. Порода была легкая, но забитая галечником.

Лопата звякала о него. Набрав лоток породы, Векшин опустил его в ручей и стал тихо покачивать. Он повторял это движение до тех пор, пока все несодержательные породы не смыло и на дне лотка не осталась густая черная жижица и галька.

Промывка породы лотком – «взятие» шлиха

Он откинул отшлифованные водой камушки и с черной жижицей в лотке вернулся к Столетову, который уже подсушивал свой шлик. Векшин так же осторожно слил жижицу в шламочный мешочек и подсушил его. Получилось то же, что и у Столетова, но только чище и больше. Он указал ему на недостатки и, пока Любовь Андреевна все еще была занята осмотром, занялся нанесением взятых за день шлихов на карту.

К вечеру работу почти закончили, оставалось только осмотреть противоположный берег. Но Чернушка пусть мелководная, а все-таки река.

– Перейдем вброд, – сказал Володя. Он снял сапоги, засучил брюки и первым полез в воду. Подняв над головой в одной руке сапоги, в другой ружье, он переходил реку. Брюки он все-таки подмочил и Надежда Николаевна сказала, что она, пожалуй, снимет свои лыжные штаны, чем потом ходить в мокрых.

Брод

– Если бы я был мужчина, я перенес бы Вас, – сказал солидным баском Валентин. Дружный хохот покрыл его слова. Валентин смутился, покраснел так, что даже веснушки на его лице стали неразличимыми и «исправился», сказав, что относится к Надежде Николаевне «как товарищ». Хохот усилился. Смеялась Надежда Николаевна, хохотал Векшин, улыбалась Любовь Андреевна и даже Столетов, до которого, видимо, не все «дошло» и то смеялся.

– Что вы там? – кричал с противоположного берега Володя.

Векшин только рукой махнул и полез в воду. Мелкая и на первый взгляд безобидная Чернушка содержала в себе такую холодную воду и несла ее с такой стремительностью, что с него сразу смыло весь смех. Осторожно нащупывая покрытое галькой, неверное дно Чернушки, он

медленно продвигался сопротивляясь течению, которое валило с ног. На середине реки вода подобралась к засученным штанинам и также как у Володи подмочила их. Но вот река становится мельче, течение слабее и он на берегу рядом с Володиёй. Следом за ним вылезает Столетов, складывает два рюкзака и лоток и лезет обратно.

Через речку вброд

– Ты куда?

– Помочь надо, – говорит он и не смотрит в глаза.

– Проборка подействовала, – говорит Володя, когда Столетов уже опять выбрался на берег у обнажения, но Векшин чувствует, что в решении Столетова гораздо большую роль сыграла не его «проборка», а заступничество Любовь Андреевны. Не отвечая, он сделал вид, что целиком занят наблюдением за переправой. Тем временем мужская половина уже переправилась. Жаворонков, как самый маленький, снял брюки и переправился в трусах, замочив и их. Сейчас он скрылся в кустах и отжимает их. Столетов закончил второй рейс и груда вещей на этом берегу увеличилась еще. Женщины чего-то медлят с переправой. Векшин ждет, быть может им понадобится помощь, но Любовь Андреевна кричит:

– Уходите. Мы будем раздеваться.

Они уходят. Вокруг трава в рост человека, но Векшин не боится оторваться, так как за ними уже тянется тропа. Над головой комарья видимо-невидимо.

Комарьё

Они поспешно минуют луг, поднимаются на берег и разводят дымокур. Здесь их и догоняют женщины.

8

В Балашиху вернулись на третий день к вечеру. Несмотря на усталость, женщины, сбросив с себя рюкзаки и куртки, пошли на реку мыться. Майка и куртка Векшина так же пропотели до того, что были мокрыми. Он последовал примеру женщин и, когда окунулся в теплую вечернюю воду, почувствовал, как сразу смыло с него пот и усталость дальнего пути. Но купаться долго не было никакой возможности. Стоило только показаться над водой, как мошка роем набрасывалась на обнаженное тело. Векшин выскочил и на ходу отмахиваясь майкой, побежал во двор к спасительному дымокуру.

Двор был безлюден. Любовь Андреевна с остальными в избе уже разбирали образцы, а посередине двора стоял незнакомый Векшину человек. Он, видимо, только что вошел и собирался пройти в избу, но, увидев Векшина, выжидательно остановился. Это был мужчина ниже среднего роста, плотный, коренастый и, судя по густой с проседью бороде, пожилой. Высокие болотные сапоги и острый прищур стариковских глаз изобличали в нем охотника.

– Прибыли, стало быть... – сказал он, после того, как они нагляделись друг на друга.

– Прибыли, – сказал Векшин.

– Та-ак... – удовлетворенно протянул старик. – А кто же у Вас тут будет начальник?

В интонациях его голоса было столько добродушия, что Векшин сразу почувствовал расположение к этому человеку.

– У нас тут все начальники, – весело ответил он ему. – Вам какого?

– Главного, – сказал старик.

– Главный в избе. Женщина, такая седая.

– Женщина? – переспросил старик, как бы сомневаясь в том, что женщина может быть начальником, да еще главным, но, уловив смеющийся взгляд Векшина, ничего не сказал и вошел в избу. Через несколько минут Любовь Андреевна позвала туда и Векшина. Он вошел. Комнату, еще три дня назад похожую на обычную комнату любой деревенской избы, нельзя было узнать.

На полу, на разостланных листах бумаги были разложены образцы, по углам были сложены спальные мешки, рюкзаки, выючные ящики, стояли ружья. По стенам висели плащи, куртки, полевые сумки. За столом, притиснутым к окну, сидела и писала Надежда Николаевна. Володя и Валентин ползали среди образцов, Любовь Андреевна стояла рядом со стариком и, держа в руке образец какой-то породы, протянула его Векшину.

– Посмотрите, что нам товарищ принес.

Векшин взял образец.

– Где Вы его достали? – невольно вырвалось у него. Он держал великолепный образчик магнитного железняка.

– А так что есть у нас тут такая речка Веснянка, будете спускаться увидите. Так вот, годов пять этак назад охотничал я там. Там и подобрал. Вижу камень стрелку на компасе отклоняет, значит, соображаю, есть что-нибудь полезное, а, как знаю, интересуетесь вы такими камушками, вот и сберег.

Думаю, должны когда ни то и в наши отдаленные места понаведаться...

Старик, видимо, «не любил поговорить» и Векшин прервал его:

– И много там таких камней?

– Да хватает, однако. В ином месте прямо из земли торчат.

– А Вы нас не проведете туда?

– Э, нет, мил-человек. Вы, однако, сами по земле дорогу знаете, а у меня свои дела. Я только принес, так что, думаю, раз интересуются люди, может надобность есть...

– Есть, есть, – поспешил заверить его Векшин.

Старик потоптался еще немного, попросил закурить «столичных», но, раз затянувшись, смял папироску и сказал:

– Слаба она против нашенской махорочки-то, – пошел из избы.

9

К Веснянке двинулись тремя отрядами. Голубева с Худолеевым и Володей плыли по реке, обследуя ее берега. С ними же плыл и Костя с радиостанцией. Надежда с Валентином и Никитиным шли с лошадьми коренным берегом. Векшину выпала самая тяжелая задача – обследование притоков. Со Столетовым он отклонялся от реки, затем снова спускался к ней, обгонял лодку Голубевой и опять уходил по какому-нибудь притоку, пропуская ее вперед.

Перед разделением на отряды

У Веснянки они снова сошлись и простояли целый день. Сравнивались образцы, обобщались записи, сводились воедино фотосхемы, наблюдения одного дополнялись показаниями другого, делились соображениями, что можно ожидать в местах, где они еще не были. Векшин собирал все сведения о полезных ископаемых. Он отобрал некоторые шлихи Никитина и Худолеева, переконвертовал некоторые из них, составил общую карту взятия шлихов.

На следующий день, взяв лодку и, усилив свой отряд Худолеевым и Володей Доброхотовым, он отправился вверх по Веснянке. Веснянка, как и Чернушка, мелководная, вся в зарослях речонка. Раз в год по ней идет большая вода, но сейчас, что ни метр, то валун, что ни поворот – какая-нибудь каверза.

Лоток для отмывки шлихов

– Не река – змея, лешак ее задеря, – ругается Худолеев. Он кормовым веслом направляет лодку, Володя Доброхотов со Столетовым тянут ее бечевой, Векшин на веслах, но не гребет, а отталкивается от валунов.

– Речней... Бережней... – кричит Худолеев. – А черт! Курья-то, вишь...

Его объяснение запаздывает. Лодку снова наносит на камни. Помяная господа бога и всех святых, Худолеев лезет в воду. Все они давно мокрые, но упорно продвигаются вперед. За пол дня сделали всего шесть километров, а надо спешить.

Худолеев сталкивает лодку на быстрину, она натягивает бечеву. Столетов оступается и вода сразу перекрывает его. Он вскакивает мокрый, дрожащий. Лодку подруливают к берегу. Худолеев сразу раскладывает костер. а Векшин достает смену своего белья, свитер и запасные брюки и дает Столетову переодеться. Володя берет ружье и идет «посмотреть» что-нибудь к ужину... Он поистине неутомим. Да и Векшину некогда отдыхать. С Худолеевым они моют шлихи. Потом Векшин возвращается, а Худолеев вызываетесь помыть еще. Векшин не препятствует. Он знает, Худолеев ищет золото, что ж, пусть ищет.

Векшин проходит выше по течению и за поворотом замечает крупное обнажение. Разрывая черно-зеленый занавес тайги, оно широким скалистым выступом нависает над рекой. Он взбирается к нему и видит широкую сильно перемятую складку с круто падающими темными прослоями.

Непонятная слабость овладевает им. Он опускается на ствол поваленного дерева и долго, не отрываясь, смотрит на возвышающуюся перед ним скалу.

– «Так вот оно, это место, – думает он. – Отсюда и сыпется та щебенка, которая повсеместно встречается по реке».

В маршруте...

Как бы прослеживая путь скатывающихся обломков, он переводит взгляд вниз. Там, между деревьев, застыла черная гладь Веснянки. На противоположном берегу темным валом простирается лес. Солнце уже опустилось за его вершины и лес темен, только лиственные деревья на просвет отдают сединой, да бликуют отдельные листья.

Векшин сидит откинув сетку. Мошка вьется у его лица. Она сегодня добрая и кусает не так сильно. Вокруг шуршит высокая, в рост человека трава. На всю жизнь он запомнит это место.

Стук топора возвращает его к действительности. Солнце село и Столетов с Худолеевым, очевидно, готовят дрова для ночлега.

Векшин откалывает образец и возвращается к месту их остановки. Там уже пылает жаркий костер. У костра один Столетов. В чужой одежде, как новорожденный, он сидит и смотрит в огонь, ни дать, ни взять, как Векшин на Чернушке.

– Жив? – нарочито сурово спрашивает Векшин. Ему кажется, что по отношению к Столетову это самый лучший воспитательный прием, но Столетов уже давно разгадал его и неожиданно говорит:

– Чудной Вы человек, Илья Семенович. Вроде как сердитый, а зла в Вас нет.

– Ну, ну... – ворчит Векшин.

– А Вы знаете, – вдруг продолжает Михаил. – Ведь я тогда про ботинки просто так сказал.

И не топил я их вовсе.

– Куда же ты их дел? – уже заинтересованный спрашивает Векшин.

– Проел, – просто говорит Столетов. – Денег не хватило до Чернорильска, я и продал их.

Летом можно и босиком.

Он молчит некоторое время и видимо, чтобы у Векшина не оставалось на этот счет недоумений, добавляет:

– Из заключения я шел. Вы слышали наверно.

– Слыхал, – подтверждает Векшин.

– Я ведь не по дурному делу, – горячо принимается объяснять Столетов. – Мамка у меня померла, а отца еще на войне убили. Жить трудно было, вот я и поехал...

– Куда же это?

– В Ташкент. Сняли меня с товарняка, не послушался, второй раз сел, сняли меня опять и вот, год отработал.

– Ну, это беда небольшая, – говорит Векшин и чувствует, что с этого момента между ним и Столетовым устанавливается взаимопонимание.

Возвращается Худолеев. Не дожидаясь Володиных «приношений», он ставит вариться ведро с картошкой. С его приходом Столетов затихает. Он сидит в чужом свитере и штанах как новорожденный и смотрит на край ведра, через который бурля выбегает на огонь белая пена. Худолеев тоже придвигается к огню, так близко, что от мокрых штанов идет пар.

«Приношение» к ужину...

– Удивительно мне смотреть на Вас, – говорит он Векшину. – Ну, понятное дело, когда за золотом, а то ведь какую муку на себя принимаете и все из-за песка какого-то, да камушков.

Худолеев с первой встречи привлек внимание Векшина и сейчас Векшин заново разглядывает его уже знакомую фигуру. По виду Худолеев типичный золотопромывщик. Невысокого роста, неизменно в резиновых сапогах, заплатанных штанах, телогрейке, из-под которой выглядывает жилетка, и в картузе с накомарником поверх, он кажется порождением самой тайги. Он носит усы, ходит враскоряку и дышит натружено с хрипотцой. Сказываются, очевидно, восемнадцать лет проведенные в шахте. Глаза у него хитрые, он их все время прячет. У Худолеева темное прошлое, которое он очень осторожно пытается умолчать, но все-таки в воспоминаниях оно прорывается. Вот и сейчас, не получив ответа на свое «философское» замечание и выпив выданные Векшиным от простуды сто граммов спирта, он, придвигая к огню промокшие ноги, пускается в воспоминания:

– Эх, однажды я выкупался. В крещение. Наняли меня на праздник архиерея привезти. Кони у меня были хорошие, по селу ни у кого таких не было. Взялся я за сорок рублей, а тогда, это в двадцать четвертом было, пуд крупчатки восемьдесят копеек стоил. Запряг я тройку, туда

домчал, а обратно – архиерей, два прислужника, груз – лед и не выдержал. Как ахнули мы все в воду. Это шестого декабря-то...

– Сколько же у тебя лошадей было? – спрашивает Векшин.

Худолеев вздрагивает, как от удара, съеживается и безнадежно махнув рукой, отвечает:

– Чего там... Было... А теперь вот никак не прикину, куда мне на зиму податься. Пойти, однако, в тайгу, золотишко еще помыть, пока здоровьишко не прошло...

– Эх, Иван Матвееч, – говорит Векшин. – Неужели ты все еще не понял?

Век старательства отошел, так же как и твои кони. Вот мы разведку проводим, за нами другие люди придут, большое строительство здесь будет. И тебе место найдется. Не все же зверем по лесу бродить.

– Нет уж, Илья Семенович. Сколько волка ни корми... Спасибо на добром слове, конечно...

– Ты солил? – вдруг спрашивает его Столетов.

– Солил.

– Жаль.

– А что?

– Самое вкусное выбегает.

– О, лешак тебя задери. Я думал, всамделе что.

Он снимает с огня ведро и раскладывает картошку по мискам.

Приходит Володя.

– Ну и река, – говорит он. – Ни по берегу, ни от берега... Это что, спирт?

Крякнув, он выпивает свою порцию и принимается за еду. То, что он не обсушился, видимо, мало его беспокоит – все равно мокнуть.

Векшин ест и думает, что пора двигаться. Но спирт теплыми волнами бродит по телу и чертовски не хочется отрываться от костра. Но все-таки надо идти.

Векшин обтирает свою миску и поднимается.

– Пошли, – зовет он и первым лезет в холодную воду. Володя со Столетовым впрягаются в бечеву, Худолеев заливает огонь и выводит корму лодки на чистую воду. Только что высушенные штаны снова намокают выше колен.

– Бери речней, – снова кричит он.

Они двигаются вперед.

10

Обнаружив и обследовав выходы магнитных руд, они на четвертый день спустились к устью Веснянки. Нельзя сказать, чтобы обратный путь был легче. Особенно тяжело было стаскивать лодку с камней, так как на этот раз стаскивать ее приходилось против течения. Хорошо еще, по предложению Худолеева, они положили в лодку кусок плитняка и всю дорогу поддерживали костер, обогреваясь по очереди.

Лагерь встретил их сиротливым молчанием. Любовь Андреевна и Надежда Николаевна бродили где-то по чаще и на берегу стояла только палатка радиста, раскачивая на ветру шестом с привязанной к нему антенной. Заспанный Костя показал Векшину радиограмму от Лугового. Главный геолог запрашивал, где находится Векшин и предлагал немедленно сообщить о его появлении.

– Видимо, к Леонтьеву хочет перебраться, – решил Векшин.

Он составил радиограмму для отправки вечерней передачей, а сам стал разбирать шлихи и записи, готовясь к возможному отлету. Почти полтора месяца проездил он с Голубевой. Обследовались берега и притоки, промывались шлихи, отбирались образцы, зарисовывались формы рельефа. И, постепенно, из результатов поездки, материалов геолфондов и инструктирующих рассказов Любовь Андреевны перед ним вырисовывалась общая картина.

Больше миллиарда лет назад здесь расстилалось море. Оно протягивалось далеко на запад, достигая Урала. На востоке оно омывало берега Центрально-Сибирского материка, одного из древнейших материков мира. На дне моря отлагались мощные толщи осадков – пески, глины, тончайший известковый ил. Местами, в изолированных заливах осаждались соединения железа, впоследствии давшие богатейшие залежи гематитовых руд.

Проходят миллионы лет. Под действием внутренних сил земли на месте моря рождаются горы. Море покидает Центральную Сибирь, морские осадки изгибаются в сложные крутые складки.

Земная кора разрывается трещинами. Из неизъяснимых глубин поднимается расплавленная магма. Частью она медленно застывает не достигнув поверхности, частью изливается потоками лавы. С магмой поднимаются из земных глубин горячие растворы, пары которых содержали в себе ценнейшие вещества. Они проникают в соседние породы, концентрируются в них месторождениями редких металлов.

Проходят еще миллионы и миллионы лет. Древняя горная страна с ее неистощимыми минеральными богатствами частично разрушается, превращается в равнину. Минералы, ранее скрытые на недоступной глубине, обнажаются и разносятся по этой равнине. Но снова приходит море и покрывает все своими отложениями.

Много раз изменяется таким образом вид страны. Осадки морей неоднократно сминаются в складки, образуя горные кряжи. Горы, в свою очередь, снова разрушаются под действием рек, ветров, мороза или волн наступающих морей.

Еще через несколько миллионов лет, на месте теперешней долины произошел грандиозный раскол земной коры. Страна, лежащая к западу, опустилась, а страна, лежащая к востоку, осталась по прежнему гористой.

Родилась река. Много раз меняла она свое русло, прорезая равнину и вскрывая скрытые в ней богатства, а притоки размывали горные страны и откладывали по своим берегам и на равнине их богатства. И вот теперь они отлагаются у него, Векшина, тончайшими слоями шлихов, светлыми блестками золотинок, обломками тяжелых магнитных руд.

Векшин потянулся так, что хрустнули косточки.

– Нет, не зря они мучились и мокли. Будет, что рассказать Луговому.

Неслышно подошла и села рядом Надежда Николаевна. Они давно не виделись и сейчас сидели приглядываясь друг к другу, как бы спрашивая: что произошло за это время? Не изменились ли они?

Нет, Надежда Николаевна ничуть не изменилась. Словно только вчера они разговаривали на привале у Чернушки. Неожиданно она спрашивает:

– Скажите, почему в наших книгах сейчас ОН обязательно холостой, а ОНА тоже не замужем или была замужем, но муж погиб на войне? А как быть, если встречаются и каждый чем-то связан в жизни?

На пабереге у костерка

Векшин уже знал, что Надежда Николаевна неудачно была замужем и ему показалось, что сейчас, как и у Чернушки, она испытывает его. Испытывает потому, что он, видимо, не похож на ее мужа, не похож на других мужчин, с которыми ей приходилось встречаться и которые расставались с ней, как и сближались, быстро и без какого-либо сильного чувства, и он ответил, так же как у Чернушки, стараясь быть точным в формулировке:

– В нашей жизни мы еще не достигли такого положения, чтобы каждый имел, что пожелает. Любовь и счастье надо заслужить и кто их больше заслуживает, тот и имеет на них больше права.

– Значит Вы предлагаете бороться за свое счастье?

Досталось мимоходом

Ее глаза на мгновение вспыхнули в упор, но она тотчас же прикрыла их блеск ресницами. Векшин ответил твердо:

– Разумеется. Только честным путем.

Она нервно засмеялась.

– Сколько Вам лет, Векшин?

– Двадцать восемь, – ответил он с прежней невозмутимостью.

– А я думала пятьдесят шесть. Вы так рассудительны...

Она поднялась и ушла. Он тоже не стал больше задерживаться и прошел к себе в палатку. Володя и Валентин уже спали. Он раскинул спальный мешок и лег. Голова кружилась от уста-

лости. Они в этот день много гребли, много шлиховали, да и телеграмма взволновала его. Он знал, разумеется, что днем раньше или днем позже его перебросят в другую партию, но как всегда момент этот оказался неожиданным. Кое-что еще не оформлено, кое-что еще не доделано, да и с людьми расставаться жаль. Жаль покидать Любовь Андреевну, он многому научился у нее, жаль покидать Володю, они еще и не наговорились как следует по душам, но у них было что-то общее, что роднило их, жаль расставаться и с Надеждой Николаевной и Валентином. Все-таки хорошие они все люди.

Он долго ворочался осящая боками каменистую осыпь под мешком, пока усталость не взяла верх над мыслями и неудобствами. Вскоре он все же проснулся. Палатка звенела от комариного гуда. Бока болели от камней. Он попытался снова заснуть, но уже через минуту понял, что это ему не удастся. Рядом ворочался Володя.

– Жестковато? – спросил Векшин.

– Ничего, – прозвучал из темноты ответ. – После Сталинградского кирпича это мне вроде пуховой перины. Вот комарье...

– Ты когда в Сталинграде был?

– С начала и до конца.

– Повезло тебе.

– Гвардейские минометы. Я с ними и до Берлина дошел.

– Рядовым?

– В Сталинграде был лейтенантом, в Берлине старшим лейтенантом, должны были капитана присвоить.

– Как же тебя демобилизовали?

– Семь ранений... Тьфу, черт!

Последнее относилось к комару, попавшему ему в рот.

– А с меня хватило одного, – сказал Векшин. – Как стукнуло под Старой Русой, так и все. Полгода госпиталь, год на инвалидности, а потом опять в геологию. Хотя и хорошо все получилось, в живых остался, а жаль – хотел бы я на Берлин посмотреть.

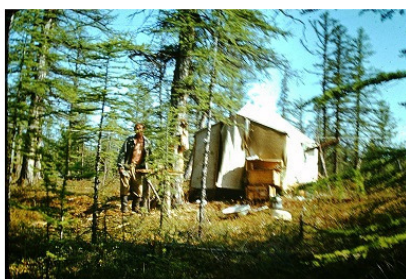
– Ничего интересного. Его чище Сталинграда разделили.

– То-то и любо... Тьфу, черт!

На этот раз комар попал в рот к нему. Володя засмеялся:

– Пожалуй, нам сегодня не заснуть.

– Сейчас... – пообещал Векшин.

Палатка с нашитым на вход брезентом – от комаров

Он вылез из палатки. Ночь стояла над ними в полной своей силе. Оранжевая луна, завернувшись в шарф из облаков, выглядывала оттуда одним краем. Небо темное с сине-фиолетовым отливом. В темноте плещет река. На берегу от затухшего костра вьется еще сизый дымок. Он раздул угли и, когда снова запрыгали по ним сине-желтые огоньки, подвинул в костер свежих дров, а из-под низу вытащил дымящуюся головешку и принес в палатку.

– Вот правильно, – сказал Володя. – Как это я не догадался.

Они положили головню у изголовья и снова легли. Головня слабо дымилась, комары продолжали звенеть.

– Мало, – сказал Володя.

Он вылез и принес здоровущую головешку. Палатка сразу наполнилась дымом. Сначала он собирался наверху, потом спустился почти до самого низа. Векшин и Володя лежали едва сдерживая слезы. Наконец терпеть стало совсем невозможно. Они вскочили и, высунув головы из под палатки, принялись жадно глотать свежий воздух. Наверху сияла спокойная мирная луна и они лежали в ее свете на животах, из глаз у них лились слезы и они хохотали...

– Выкурили, – сквозь смех едва выговорил Володя. – Комаров выкурили.

Он приподнялся и исчез в палатке, словно нырнул в дым. Через мгновение он выскочил, держа в руке принесенную им головешку. Размахнувшись, он забросил ее в реку и она, описав по воздуху красно-искрящийся след, упала в воду и зашипела.

Когда дым немного рассеялся, они снова забрались в палатку.

– Смотри-ка, – с удивлением заметил Володя. – Валька-то спит.

Действительно, Валентин, намаявшись за день, спал не слыша комариного гуда, не чувствуя ни жесткого ложа, ни дыма.

11

Утро снова встретило геологов прозрачной синевой. От земли поднимался легкий пар, по реке стлался туман. Векшин умывался и думал: пришлют за ним сегодня самолет или не пришлют?

От палаток слышались голоса. Любовь Андреевна кому-то выговаривала, но кому и за что Векшин разобрать не мог. Всплеснула вода. Это Володя нырнул. Он показался над водой в пяти-шести метрах от берега и поплыл на середину широкими саженками, нарочито при-шлепывая по воде ладонями.

– Смотрите, Володя купается!

Надежда Николаевна подошла к Векшину.

– Давайте и мы.

– Я не буду, – отказался Векшин.

Надежда Николаевна пошла по берегу и скрылась за кустарником.

– Чем там Любовь Андреевна недовольна? – спросил Векшин.

– Встали поздно, – ответила Надежда Николаевна. Она чистила зубы и у нее получилось – «Вштали пождно».

Опять досталось...

Векшин вернулся к палаткам. На костре уже бурлила в ведре пшенная каша. Михаил рядом обстругивал деревянную палочку-мешалку.

– Связи не было еще? – спросил Векшин.

– Вот позавтракаем... – сказала Любовь Андреевна.

Вернулись с реки Надежда Николаевна и Володя. Капли воды блестели у него в бороде, которую он недавно начал отращивать и которая росла неимоверно быстро. Голова Надежды Николаевны была повязана полотенцем.

– Я все-таки искупалась, – сказала она и ушла причесываться.

Подурачимся?!

Михаил отодвинул в сторону ведро с кашей и известил:

– Можно съесть.

Никитин, как старший после Голубевой, расставил миски. Негласно он был признан в партии старшим по хозяйству. Подошел с лотком Худолеев. Вышла Надежда Николаевна, причесанная, смеющаяся. Один Валентин сидел в стороне и что-то рисовал.

– Иди сюда, – позвала его Надежда. Она, по отношению к нему, уже приняла начальствующий тон.

Валентин подошел и сел, положив рядом с собой альбом.

Сама непосредственность

– Можно посмотреть? – спросил Векшин. В это утро он, как никогда остро, видел каждое движение, слышал каждую интонацию.

– Да я так, от нечего делать... – смутился Валентин, но все-таки разрешил и Векшин взял альбом.

Рисунки были исполнены в цвете. На первом был нарисован закат на реке. Солнце уже скрылось за горизонтом, но воздух еще был полон красками. У воды он был оранжево-пурпурный, но чем выше тем блеклей становился красный цвет, к нему примешивался фиолетовый с какими-то золотистыми блестками на редких облачках, а по углам рисунка уже довлели

синие тона наступающей ночи. Вода повторила краски неба, но вносила в них свои оттенки. Ее зеленоватые переливы гармонировали с далекими берегами, уже темными и неразличимыми в цветах, но благодаря зеленому оттенку воды они так же казались зелеными. В том месте, где село солнце, вода была светлее и зеленые оттенки заменялись золотистыми, как на небе. Эта светлая глубина создавала глубину, придавала рисунку истинно лирический колорит вечера.

«Робкая» попытка поухаживать...

На втором рисунке была изображена Надежда Николаевна. Она сидела на крыльце конторы, закинув руки за голову и поправляя прическу. Сходство было довольно полное, во всяком случае, Векшин сразу узнал ее.

На третьем рисунке изображался катер, на четвертом опять Надежда Николаевна. На одном из рисунков был изображен завтрак в Балашихе. Серые доски навеса бросали тень на землю покрытую зеленой травой. С выбеленной печурки только что сняли ведро и над печуркой вьется дымок. Под навесом на бревнах и на ящиках сидят сотрудники партии. Они все еще только набросаны и лишь Надежда Николаевна прорисована лучше остальных. Она повернулась к Любове Андреевне и, держа не донесенную до рта ложку, что-то улыбаясь говорит.

– А ты мастер, – сказал Векшин с искренним удивлением.

Валька Жаворонков сидел красный от смущения. Похвала смутила его еще больше.

– Это я так, тренируюсь. Хотите, я Вас нарисую.

Векшин с грустью сказал, что, если у него будет время, он ему охотно попозирует и обрадованный Валентин сообщил ему доверительным шепотом:

– Вот выучусь как следует и подам в Академию.

В это время подошел Костя и принес радиограмму.

За Векшиным выслали самолет.

Часть II. ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

1

Самолет прилетел утром и сел прямо на косу. Пилот вылез и, подняв летные очки, пошел осматривать «взлетную полосу». Он долго ходил, отшвыривая ногой какие-то незначительные камушки и весь вид его как бы говорил: – «Сесть-то мы сели, а вот как взлетать будем»?

Наконец он кончил осмотр и пошел к самолету.

Векшин прощался с товарищами. Валентин вырвал из альбома рисунок и подарил ему. Любовь Андреевна говорила, что передать Луговому.

Подошла попрощаться и Надежда Николаевна.

– Жаль, – сказала она. – Я думала еще поездить с Вами.

– Мы еще увидимся, – сказал он.

– Я надеюсь на это, – улыбнулась она и спросила: – Вы на меня не сердитесь?

– За что?

– Так, за глупые разговоры.

– Отчего же, – сказал он. – Конечно не сержусь.

– А все-таки жаль, сказала она. – Вот у меня всегда так, предполагаешь одно, а получается другое.

Почта пришла

Они стояли друг против друга. Ему казалось, что чего-то основного, самого главного, он ей все-таки не сказал, но в чем это главное, он, пожалуй, не знал и сейчас.

Его позвали.

– Ну, до свидания.

Он торопливо пожал ей руку и побежал к самолету и, только когда под крылом все убыстря ход понеслись камни косы, он вдруг понял: он хотел сказать, что счастье, построенное на разрушении чужой семьи, никогда не может быть ни полным, ни долговечным. Поймет ли она это?

Промелькнули палатки, ему махали руками, потом горизонт покачился, земля встала на дыбы, закрыла небо, нацелилась на него пиками вершин, а когда все стало на свое место и тайга и палатки были уже далеко внизу, под крыло самолета медленно подплыла синяя гладь воды.

Векшин оглянулся. Столетов сидел позади него на втором сиденье и широко раскрытыми глазами изумленно смотрел вниз. Векшин улыбнулся и тоже перенес свой взгляд на реку и ее берега. Они летели на высоте трехсот метров и он мог наблюдать, как справа от него левый берег реки расстился ровным широким зеленым ковром, чуть холмясь по горизонту, а правый берег, от него слева, за широкими пойменными террасами круто вздымался кверху своими кряжистыми вершинами, некоторые из которых были покрыты снегом. Иногда скалы прорывались к самой реке и тогда, как правило, синяя гладь воды покрывалась рябью перекаатов и белыми гребешками бурунов.

Общая картина пройденных маршрутов отсюда, сверху представлялась теперь перед Векшиным зрительно, ощутимо. Появлялись новые мысли, обобщения. Достав пикетажную книжку он торопливо записывал свои соображения, как и откуда по его мнению тянется гряда изверженных магнитных пород, выходы которых были подсечены им на Веснянке и эта картина была так захватывающая, что он забыл о самом факте полета. Земля как бы раскрылась перед ним в своей глубине и, когда он снова почувствовал прикосновение ее поверхности, это был уже Чернорильск.

Он так и вылез с пикетажной книжкой в одной руке и карандашом в другой. Следом за ним вылез и Столетов. Его лицо все еще продолжало сохранять следы пережитого в полете и, когда твердая почва вернула его, как и Векшина, к действительности, он тихо прошептал:

– Здорово все-таки работать в Экспедиции.

В город они пошли берегом. Как ни велико было желание Векшина узнать, зачем его вызвали, он не мог обойти двух-этажное каменное здание почты.

В маленьком окошке он действительно получил семь писем и две телеграммы. Телеграммы он вскрыл тут же. Мама и Ирина поздравляли его с днем рождения Витюшки. Он тут же ответил им и стал просматривать письма. Мама писала, что дома все благополучно, тревожилась почему от него так долго нет никаких известий. Кирилл, старый товарищ Век-

шина по предыдущим экспедициям, в ответ на его восторженно-разочарованное письмо, как и Леонтьев, обозвав его «лириком», писал далее: «...Смотри, чтобы деревья не заслоняли от тебя леса. Помни, что геолог в поле, это бухгалтер, бухгалтер-ревизор, который ревизует и учитывает ценности скрытые природой... А Берегова-Сережина я знаю. В прошлом он был геологом, но помешанный на ложной романтике, самовлюбленный и оторванный от народно-хозяйственных задач, которые мы решаем, он оказался непригодным к настоящей, творческой, научной деятельности и перешел на административную, к которой он еще менее способен. Геологи у нас называют его „хозяйственником“, хозяйственники считают геологом, а в общем и те и другие сходятся на том, что он, как у вас правильно выразились, „пистолет в шляпе“...».

«Дорогой наш папулька, – писала Иринка. – В воскресенье, как обычно, ездила на дачу к Витюшке. Он замечательно поправился, говорит чисто, чисто: «молоко», «вода», «пить», «бабуля» и некоторые новые слова. Очень забавно выговаривает: «пацаца» – купаться, «кацаца» – качаться. Сейчас много земляники, ходим собираем. Витюшка замечательно ест ее, посыпает сахаром и с молоком... Я пишу, а Витюшка играет с мячом и говорит: «пивет папе». Сейчас забрался ко мне на колени, не дает дописать письмо, говорит: «мама, сам».

Читать мешали. Кто-то кому-то нетерпеливо объяснял по телефону, что в верховьях выпали дожди и вода прибывает, грозя затопить выгруженные на берегу грузы. Его не понимали или не хотели понять и он настойчиво повторял:

– Вода, вода прибывает. Срочно нужен транспорт. Да, транспорт же я вам говорю...

Векшин сунул письма в карман и вышел. Он перечитает их потом, когда никто не будет ему мешать. Сначала письмо матери, потом Кирилла, потом Ирины. Он разложит их по числам и будет читать, читать, читать...

Он шел по берегу полный мыслей о доме, взглядом вернувшегося человека оглядывая знакомый берег. Почти ничего не изменилось за время его отсутствия. Разве только что оживленной стало, да грузов прибавилось.

Он сразу вспомнил слышанный на почте телефонный разговор и остановился. Ведь в этой общей груде товаров, лежащих на берегу, несомненно, было и имущество Экспедиции. Он тревожно оглядывался, ища, нет ли кого из знакомых на берегу, не вывозят ли что-нибудь и неожиданно совсем рядом услышал знакомый голос:

– Под суд за такую работу! Что бы сейчас же двадцать лошадей...

Векшин обернулся, ну конечно, кому же еще – Берегов-Сережин.

Распушив полы пиджака, как петух крылья, он насканивал на завхоза, который степенно отвечал ему:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.